

Василенко Ю.В. Образ «врага» в политическом дискурсе зарождающегося испанского консерватизма. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10405 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 82–100.

УДК УДК 329.11:329.3

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10405

Образ «врага» в политическом дискурсе зарождающегося испанского консерватизма

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» – Пермь,
г. Пермь, Россия.
E-mail: yuvasil@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7865-6497
ResearcherID: M-5692-2015
SPIN-код: 3073-3627

*Статья поступила 08.09.2020, принята к печати 12.11.2020,
доступна online 11.01.2021*

Статья посвящена трансформации образа «врага» в зарождающемся в Испании в последней трети XVIII – первой половине XIX в. консервативном политическом дискурсе. Сопоставляя образы «врага» в политических дискурсах традиционалистов и либеральных консерваторов, автор показывает, что первый выстраивается на религиозно-философских основаниях, на которые с большим трудом в начале XIX в. наслаиваются политические; второй имеет своей опорой сугубо политические интенции. Для испанских традиционалистов «враги» – это прежде всего сторонники так называемой ложной философии (некатолики и неиспанцы), являющиеся последователями британо-французского Просвещения. Либеральные консерваторы, в принципе отказавшиеся от любых военных коннотаций традиционалистов, трактовали «врагов» исключительно в гражданско-юридических понятиях как политических оппонентов из конкурирующих или союзнических структур (партий и партийных фракций). В рамках традиционализма своеобразным «драйвером» трансформации образа «врага» становятся карлисты, которые в условиях внутридинастических войн между католиками и испанцами были вынуждены придавать своему дискурсу сугубо политическое звучание.

Ключевые слова: образ «врага», консервативный дискурс, традиционализм, либеральный консерватизм, карлизм, Испания XVIII–XIX вв.

© Василенко Ю.В., 2020

Консервативный политический дискурс, формирующийся в последней трети XVIII в. как негативная реакция определенной части идеологов, представляющих интересы правящих средневековых сословий (Церкви и аристократии), на ускоренные процессы либерально-буржуазной модернизации, по определению был обращен против некоего социально-политического субъекта, являющегося носителем опасных, с их точки зрения (то есть точки зрения охранителей или скептиков), идей, взглядов и ценностей. Иногда этот субъект известен, и тогда он обозначается прямо; иногда – в целях корректности – всячески затушевывается, но все равно незримо присутствует в качестве некоего оппонента. Испанский кейс в данном случае интересен тем, что консерватизм в этой стране в силу многих причин (крепость католической традиции, успешный имперский опыт XVI–XVII вв. и общая социально-экономическая отсталость, препятствующая развитию капиталистических форм экономики и соответствующих ей социальных структур и политических институтов) имел изначально радикальный характер, вследствие чего и образ «врага» в консервативном политическом дискурсе его идеологов проявляется достаточно ярко. Поддерживаемые средневековой католической монархической традицией испанские консервативные идеологи позволяют себе быть более откровенными, нежели их единомышленники в странах побеждающего либерализма (прежде всего, в Великобритании или Франции), Дополнительную яркость образу «врага» придают и войны, которые вела Испания в XVIII–XIX вв. и которые трактуются консервативными идеологами не столько как геополитические, сколько как идейно-ценностные противостояния, будь то перманентные колониальные войны против англичан, Война за независимость против французов 1808–1814 гг. или три «карлистские войны» между сторонниками Нового порядка и либерально-буржуазной модернизации и сторонниками сохранения Старого порядка, то есть собственно между самими испанцами. При этом даже в данных условиях испанский консервативный политический дискурс переживает определенную трансформацию, постепенно переходя к середине XIX в. от религиозно-философских оснований к сугубо политическим постулатам, что самым непосредственным образом сказывается и на образе «врага», избираемого консервативными идеологами для своей критики.

В качестве исходной мы возьмем принятую в испанской историографии типологию консерватизма, предложенную в середине XX в. традиционалистом из «Opus Dei» Ф. Суаресом Вердегером (Suárez Verdeguer 2006: 35, 41–43) и дополненную к началу XXI в. историком-позитивистом П.К. Гонсалесом Куэвасом (González Cuevas 2000: 13–16). Оба классика выделяют среди испанских консервативных идеологов два типа: 1) «традиционалистов» как сторонников Старого порядка и, соответственно, более или менее радикальных его охранителей; 2) «либеральных консерваторов, склоняющихся к умеренному реформированию и постепенной адаптации к британо-французскому по своему происхождению либерально-буржуазному «духу века», характерному уже для Нового порядка. Внутреннее разнообразие зарождающегося в Испании консервативного политического дискурса заставляет нас ввести в данную типологию определенные нюансы, дополнив

ее собственной конкретно-исторической классификацией как по вертикали (провозвестники и первые три поколения испанского традиционализма), так и по горизонтали (классификация либеральных консерваторов в соответствии с партийно-политическим спектром в рамках партии «модерадос»).

Провозвестниками испанского консерватизма могут быть названы те интеллектуалы-традиционалисты, которые выступили против британо-французского Просвещения (XVII–XVIII вв.) еще до начала Великой французской революции (далее – ВФР), предчувствуя приближающийся крах Старого порядка.

Так, уроженец Андалузии, член Ордена Святого Иеронима, монах, юрист и писатель, «слава Севильского университета и монастыря Сан Исидро дель Кампо» (см.: Menéndez y Pelayo) падре Ф. де Себальос-и-Мьер (1732–1802) в своем главном шеститомном сочинении «Ложная философия, или Атеизм, деизм, материализм и другие новые секты, замышляющие государственный переворот против суверенов и их регалий, против магистратов и легитимных властей» (1774–1776) определяет своих «врагов» уже в названии: это «ложные философы», к которым он относит протестантов и просветителей. Противопоставляя «фантазиям» (Zevallos y Mier 1774: 90) «ложной философии» (протестантизму и Просвещению) «подлинные идеи» (Op. cit.: 90, 408), «подлинные Апологии» (Op. cit.: 164–165), «подлинную науку» (Op. cit.: 415) и «подлинное благочестие» (Op. cit.: 405–406) католицизма как «подлинной Церкви» (Op. cit.: 136, 326) и «подлинной религии» (Op. cit.: 76, 229, 250, 382, 388, 402), «религии установленной и имеющейся, которая была бы подлинной» (Op. cit.: 14), или просто «подлинную философию» (Op. cit.: 32, 159, 181, 193, 209, 257, 299–300, 312, 375, 410), Себальос задает целый дискурсивный тренд на несколько десятилетий вперед, вскрывая «ее («ложной философии». – Ю. В.) подлинную мораль и тайные мистерии, направленные против жизни, чести и интереса каждого гражданина и всего общества» (Op. cit.: 62). При этом слово «враг(и)» (*enemigo(s)*) Себальос в своем сочинении упоминает 217 раз, что прямо указывает на реакционный характер его идей и зарождение в Испании политического дискурса как такового.

Вслед за Себальосом монах из Королевского монастыря цистерцианцев Санта Мария де Вируэла (Мадрид), доктор теологии падре А.Х. Родригес (1703–1777), занимавший в течение своей жизни ряд высоких постов в иерархии Испанской католической церкви и являвшийся членом нескольких Королевских академий, в сочинении под названием «Филотео¹ в разговорах времени» (1776) противопоставляет Бога и Природу и подразделяет своих «врагов» (это слово он упоминает 53 раза) – просветителей XVII–XVIII вв., которых в целом можно определить как противников схоластики и сторонников науки, то есть «принципов атеизма» (Rodríguez 1776: 17) или «натуральных принципов» (Op. cit.: 21), – на «деистов» (Op. cit.: 26, 33, 35, 58–59, 79, 206, 295, 496–499, 512, 519), «фаталистов» (Op. cit.: 33, 147, 207),

¹ Теологическая философия. – Ю. В.

«пантеистов» (Ор. cit.: 33, 147, 207, 229, 235, 238, 369, 434, 445, 492, 499), «материалистов» (Ор. cit.: 33-35, 256, 369, 499, 522) и «атеистов» (Ор. cit.: 30, 34, 58, 65, 104, 106, 164, 176, 190, 232, 235, 238, 241, 256, 292, 315, 335, 338, 340, 369, 377, 393, 401, 408, 434, 437, 445, 492, 496-499, 510-511). Последние – ожидаемо – самые опасные, что видно даже по частоте их упоминаний; при этом «атеисты» более всего указывают на главную озабоченность Родригеса и, таким образом, определяют религиозно-философский характер его политического дискурса.

В той же логике работает и философ-схоласт, декан кафедрального собора Паленсии (Кастилия и Леон) В. Фернандес Валькарсе (1729–1798), на протяжении трех томов описывающий «Философские разочарования», преподнося их «в дар истине, религии и Родине» (1787–1797). Свой главный выпад Валькарсе направляет против Р. Декарта (*Desengaños... 1787: 81-183*), за которым уже следуют Н. Малевранш (Ор. cit.: 184-225), Дж. Локк (Ор. cit.: 225-296), Г.В. Лейбниц (Ор. cit.: 296-363), К.А. Гельвеций (Ор. cit.: 364-373) и Ж. Д'Аламбер (Ор. cit.: 373-378) – опять-таки британо-французские просветители XVII–XVIII вв., объявленные «врагами» 113 раз. «Персоналистский подход» Валькарсе сочетается с основополагающей доктриной Себастьяна – с незначительными политическими дополнениями, связанными с тем, что два из четырех томов «Философских разочарований» выходили уже во времена ВФР (1790–1797 гг.).

Как мы видим, провозвестники не пользуются политическими понятиями, заменяя их привычными для них, носителей средневекового менталитета, философско-религиозными конструктами и называя своих многочисленных «врагов» просто «(ложными) философами»; в итоге наличное религиозно-философское и потенциально политическое сливаются в их дискурсе воедино. Определенным образом ситуация начинает изменяться лишь после начала ВФР, благодаря чему создаются условия для формирования и сугубо политического дискурса; впрочем, в Испании этот процесс будет идти очень медленно и его результаты станут заметны лишь к 1808 г., когда революция придет в эту страну непосредственно.

Первое поколение испанских традиционалистов (от кануна ВФР до 1808 г.) может быть определено как переходное, поскольку его потенциально политический дискурс развивается в условиях «революции за границей». Испанцы до последнего момента надеялись, что ВФР не сможет перешагнуть Пиренеи; это позволяло им по-прежнему рассуждать о политической борьбе со своими внутренними и внешними «врагами», делая упор на ее религиозно-философскую составляющую. Однако по мере развития революции и особенно агрессивной внешней политики Наполеона ситуация начинает явно изменяться.

Так, накануне событий ВФР андалузский юрист и адвокат, заведующий кафедрой канонического права в Севильском университете и представитель университета при королевском дворе А.Х. Перес-и-Лопес (1736–1792), обрушиваясь в своей книге «Принципы порядка» в обычном уже ключе на «атеистов» (*Pérez y López 1785: 128*) и «материалистов» (Ор. cit.: 274), говорит в том числе и о политических «врагах Императора» (Ор. cit.: 116),

а также о «внутренних» и особенно «внешних» врагах Испании, угрожающих вторжением (Op. cit.: 85, 230); при этом слово «враг» у него упоминается лишь 4 раза.

Профессор юриспруденции в Саламанкском университете Х.П. Форнер-и-Сегарра (1756–1797) в своем сочинении «Апологетическая молитва за Испанию и ее литературное достоинство» (1786) говорит о «врагах» 13 раз сразу в нескольких аспектах, в частности: а) при обычном уже противопоставлении «религии и философии» (Forner 1786: 87) – о «врагах христианства» (Op. cit.: 197, 285-286), за которыми скрываются как арабы, принесшие в Испанию «знание математики, астрономии и медицины» (Op. cit.: 80), так и римские порочные императоры, пытавшиеся уничтожить в древнем Риме «науку и добродетель» (Op. cit.: 218); б) в сугубо политическом дискурсе – о современных внешних врагах Испании, ее монархии и империи (Op. cit.: 248, 285-286, 310, 319-321).

С началом ВФР пресвитер, доктор священной теологии, каноник святой церкви на Мальорке А. Вила-и-Кампс (1747–1809), упоминая «врагов» в своей книге «Вассал, ознакомленный с основными обязательствами перед своим законным монархом» 21 раз, трактует их не только как «врагов Святой Религии и Иисуса Христа» (Vila y Camps 1792: 109), «врагов Креста Иисуса Христа» (Op. cit.: 176) и «тайных врагов, которые разрушат вашу душу и тело» (Op. cit.: 116), но и как «врагов Религии и Государства» (Op. cit.: 14), «врагов Короны» (Op. cit.: 165), «народов Отца и Короля» (Op. cit.: 34), «Народа, Королевства или Нации» (Op. cit.: 59).

Приписной архидиакон Святой Церкви в Сеговии Клементе Пеньялоса-и-Суньяга (1751–1804), называя «философов» лишь в конце своей «Монархии» «врагами любой религии» (Peñalosa... 1793: 450) и «рода человеческого» (Op. cit.: 465), постоянно ставит знак равенства между «врагом» и «иностранцем» (Op. cit.: 152-153); он говорит о «врагах родины» (Op. cit.: 103), угрожающих вторжением, и «врагах королей» (Op. cit.: 424); при этом родина ассоциируется у него со всем прекрасным, законным (Op. cit.: 185). Всего слово «враг» встречается у Пеньялосы 10 раз.

В книге «Католический солдат на религиозной войне» андалузского капуцина Д.Х. де Кадис (1743–1801) резко увеличивается – по сравнению с трудами представителей первого поколения – использование слова «враг» (81 раз) и содержится призыв к испанцам «сохранять истинность своей Религии и своей веры против всех их врагов» (Cádiz 1794: 16), «врагов Бога, Церкви и государства» (Op. cit.: 20). «Враги» для Кадиса делятся на внешних (Op. cit.: 33, 45, 89) – это «враги Бога, Святой Церкви и законных властей в несчастном королевстве Франции» (Op. cit.: 52), «враги Религии и Церкви», «враги Креста Христова» (Op. cit.: 133), «Бога и своего короля» (Op. cit.: 87) – и внутренних (Op. cit.: 89) – это уже «предатели» Испании (Op. cit.: 17), «враги Бога и народа» (Op. cit.: 61). Последние опаснее; именно с ними и призывает Кадис бороться в первую очередь с помощью религии (Op. cit.: 54, 56, 58-59, 62, 78-80, 164-165), а потом уже и оружия (Op. cit.: 140-142, 146, 148, 152, 168, 178), плавно переходя от Испании к ее заморским колониям (Op. cit.: 69). Кадис прослеживает генезис «врагов» со времен библейской

истории, что делает «религиозную войну» всемирной и вечной; фактически она предстает основным смыслом человеческой истории.

Мурсийский священник С. Лопес Гарсиа (1744–1831) в своей брошюре «Христианско-политический колокол» упоминает «врага» лишь 1 раз, однако контекст говорит сам за себя: «Они являются плодами философии, триумфов безбожия, и врагами Рима, Понтифика и Церкви. Философы, необходимо это повторить, восстают против монархов, чтобы сокрушить их» (López 1808: 36-37). Философами, в свою очередь, Лопес называет протестантов в целом (Op. cit.: 20, 29, 31, 41), подразделяя их на «лютеран, кальвинистов, анабаптистов, социнианов, янсенистов, иудеев, атеистов, неверующих или франкмасонов, что одно и то же» (Op. cit.: 29). Также Лопесом не забыты «безбожный Наполеон» и «якобинцы», которые выступают против «суверена, знати и религии» (Op. cit.: 29). Как мы видим, впервые в традиционалистском политическом дискурсе суверен позиционируется как более значимый относительно религии, что говорит о принципиально возросшей актуальности политического в сравнении с религиозно-философским.

Своеобразным обобщением образа «врага» в политическом дискурсе первого поколения испанских традиционалистов является двухтомное сочинение «Причины французской революции 1789 года и средства, которые необходимы для уничтожения врагов религии и государства», написанное испанским лингвистом иезуитом Л. Эрвасом-и-Пандуро в Италии и вышедшее в Испании в 1807 г. Упомянув врагов «религии и государства» 93 раза, Эрвас повторяет все дискурсивные концепты своих единомышленников – тех становящихся консервативными авторов типа Э. Бёрка, которые постарались написать те или иные «размышления о французской революции». Впрочем, с последним Эрвас спорит непосредственно (Hervás y Panduro 1807: 153-185). При этом труд Эрваса можно назвать историко-религиозно-философским в первую очередь и только историко-политическим – во вторую, поскольку главным врагом религии и государства у него объявляются «секты» (465 упоминаний), из которых вышли французские революционеры. Сосредоточившись на общеевропейской повестке, Эрвас затрагивает испанскую проблематику «по касательной», что во многом позволяет выводить его за скобки собственно испанского политического дискурса. Непосредственным же последователем Эрваса в Испании в рамках первого поколения является Кадис; помимо прочего, их роднит и чрезмерно частое употребление слова «враг».

В целом же, как мы видим, к 1808 г. в испанском традиционалистском дискурсе начинается постепенный переход от религии и философии к политике: при этом сугубо политический дискурс по-прежнему надстраивается над религиозно-философским как основополагающим, что сразу же сказывается и на образе «врага»: к «ложным философам» присовокупляются политики, являющиеся противниками испанской монархии (внутри), и французские революционеры (вовне).

Второе поколение испанских традиционалистов сформировалось в 1808–1814 гг. в условиях Войны за независимость против французских оккупантов (эта тема, очевидно, преходящая), а также открытой политической

борьбы между партиями испанских либералов и традиционалистов на Кадисских кортесах (борьбы беспощадной, вплоть до изгнания из страны), благодаря чему «надстройка» политического над религиозно-философским в их дискурсе завершается: образы французских и – что важнее – испанских революционеров как «врагов» становятся самодостаточными, хотя и сохраняют еще свою производность от «ложной философии» Просвещения.

Так, выходец из Мексики М. де Лардисабаль-и-Урибе (1744–1824), изгнанный из Кортесов за ревностный традиционализм еще в 1810 г., в своем «Манифесте к нации» упоминает слово «враг» всего лишь 3 раза: дважды это французские оккупанты (*Manifiesto que presenta...* 1811: 21, 52) и только один раз – сторонники либеральных реформ (Op. cit.: 101–102), за которыми опять-таки стоят – как главный «враг» – французы (Op. cit.: 17, 20, 26, 69, 92, 99); внутри же Испании самыми опасными являются «писатели, которые сервильно повторяют французское мышление» (Op. cit.: 35).

Подвергшийся преследованиям со стороны либералов декан Верховного совета Испании и Индий Х.Х. Колон де Ларреатеги-и-Хименес де Эмбрун (1746–1822) в своей книге «Оправданная Испания» (1811) упоминает слово «враг» 9 раз, призывая испанцев объединиться как против «общего врага» (Colón 1814: 16), под которым подразумевает французов (Op. cit.: 34, 50, 60, 63), так и против сторонников либеральных реформ в Испании, подражающих французским революционерам типа Ф.Н. Бабефа (Op. cit.: 27) и не сохранивших поэтому верность своему королю (Op. cit.: 35–36, 43, 70).

Изгнанный из Кортесов в 1812 г. по тем же причинам, что и Лардисабаль, эстремадурский иезуит П.Б.А. Кеведо-и-Кинтано, епископ Оренсе (1736–1818) в своем «Манифесте» использует слово «враг» дважды, говоря о неких критиках своей деятельности как епископа (*Manifiesto del Obispo...* 1813: 61, 63), под которыми, очевидно, подразумеваются те, кто его изгнал, то есть либералы. При этом он жалеет «французский народ» (Op. cit.: 14), страдающий от тягот ВФР (Op. cit.: 70), но страстно призывает к сопротивлению «французским войскам» (Op. cit.: 59, 61).

Гранадский капуцин Р. де Велес (1777–1850), который, в отличие от первой «тройки» второго поколения испанских традиционалистов, личного участия в Кадисских кортесах не принимал, мог писать более пространственные тексты с обширными историческими экскурсами, такие как «Предостережения против нерелигиозности, или Планы философии против религии и государства, реализованные Францией для того, чтобы подчинить Европу, и Наполеоном при завоевании Испании, увидевшие свет в трудах некоторых наших мудрецов во вред нашей Родине» (1812), с соответствующим дискурсом против «врагов религии и родины» (Vélez 1813: 13, 120), «врагов ее веры» (Op. cit.: 119), «врагов нашей религии» (Op. cit.: 139), «врагов католической религии» (Op. cit.: 30), «основополагающих врагов монархов, христианской церкви и ее служителей» (Op. cit.: 44) и «врагов как религии, так и тронов» (Op. cit.: 50). Всего слово «враг» упоминается Велесом 48 раз; из них собственно французы как оккупанты упоминаются 18 раз (Op. cit.: 15, 72, 86, 112–116, 118, 120, 123, 201–202, 218). «Во всей Европе, – пишет Велес, – они (наши враги. – Ю. В.) известны как просветленные, материалисты, атеисты,

неверующие, развратники, франкмасоны, безбожники» (Op. cit.: 16), «безбожники, богохульники, якобы мудрецы и враги властей» (Op. cit.: 27). Иногда Велес ограничивается исключительно политическим дискурсом, говоря об «основополагающем враге короля, его власти и авторитета» (Op. cit.: 51) и «врагах Конституции, противниках правительства, революционерах, соблазнителях народов, агентах Наполеона, сторонниках его планов» (Op. cit.: 201) вне всякой связи с религией. Однако преемственность между Себальсом и Велесом становится очевидной, когда он начинает писать о том, что «философы являются вашими врагами... провозглашенный враг Бога есть также и враг человека» (Op. cit.: 218). Обозначающееся у Велеса раздвоение традиционалистского дискурса на два уровня – религиозно-философский и политический – явно свидетельствует о его отличиях от дискурса времен Себальса.

Доминиканец из севильского монастыря Сан-Пабло Ф. де Альварадо по прозвищу «Замшелый философ» (1756–1814) также наблюдал деятельность Кадисских кортесов со стороны. В пяти томах своих «Критических писем» (1824–1826), написанных порой по весьма рутинному поводу в адрес различных испанских политиков, Альварадо использует слово «враг» 153 раза, воспроизводя во множестве вариаций все концепты своего поколения, благодаря чему выполняет для него ту же роль, что и Эрвас для первого поколения.

Между тем именно на примере второго поколения испанских традиционалистов мы видим следующую закономерность: отдаленность от политического процесса и ориентация исключительно на идеологию делают высказывания (в нашем случае Велеса и Альварадо) более откровенными, а образ «врага» – артикулированным; и наоборот: при всем своем ревностном традиционализме те политики, которые принимали в Кадисских кортесах участие лично (Лардисабаль, епископ Оренсе и Колон), на публику продолжают высказываться довольно обтекаемо, не педалируя тему «врага», несмотря на то что в отличие от первых они реально пострадали и на момент написания своих текстов находились уже в изгнании. При этом, что важно, основополагающие ценности (ревностный католицизм и производная отсюда «защита Алтаря и Трона») данных разновидностей традиционалистов (теоретиков и практиков), являющихся приверженцами католического испанского абсолютизма, не различаются.

Отсюда перед *третьим поколением* испанских традиционалистов стояла историческая по своей важности задача: определиться, какой же из двух уровней традиционалистского дискурса является фундаментальным и исторически перспективным: религиозно-философский или сугубо политический. Более частная версия той же проблемы: может ли политический уровень в традиционалистском дискурсе стать первичным, а религиозно-философский – вторичным?

Данную задачу решили два выдающихся испанских традиционалиста середины XIX в. – Х.Л. Бальмес-и-Урпия (1810–1848) и Х. Доносо Кортес (1809–1853), которые двигались в прямо противоположных направлениях, положив начало нового этапа в развитии испанского консерватизма –

классического. И если Бальмес, будучи католическим теологом, развивал свой дискурс от религиозно-философского к политическому, то Доносо, много поработавший в молодости на либерально-консервативное крыло партии «модерадос», – от политического к религиозно-философскому. Исторически более перспективным оказался путь Бальмеса: его открытость к диалогу и тезис о необходимости уступок справедливым требованиям революционеров в канун революции 1848–1849 гг. предопределили идеологические построения не только умеренных франкистов, но и современных традиционалистов; в то время как Доносо, пережив накануне той же революции «обращение в католицизм», фактически ограничил испанский традиционализм жесткими рамками религиозно-философской догматики, вследствие чего и выпал фактически на сто лет из консервативного политического дискурса вообще, пока в середине XX в. создатель политической теологии К. Шмитт не открыл его снова – уже как теоретика диктатуры общеевропейского масштаба (Schmitt 1952).

Между тем относительно образа «врага» оба традиционалиста в целом действовали в одной логике: они считали своими «врагами» всех, кто находился левее их в идеологическом спектре (а именно либералов и социалистов, что следует даже из названия знаменитого «Очерка о католицизме, либерализме и социализме» Доносо), и находили союзников практически среди всех разновидностей традиционалистов, с которыми их объединял ревностный католицизм и склонный к «протоавторитарной» диктатуре монархизм (Бальмес не исключал даже и карлистов). При этом, что также примечательно, само слово «враг» с коннотациями провозвестников и первых двух поколений испанских традиционалистов в их политическом дискурсе не используется: в условиях победившего Нового – либерально-буржуазного – порядка изменяется и словоупотребление. С падением в Испании в 1833 г. абсолютной монархии средневековая католическая нетерпимость уступает место современной корректности: отныне «враг» уже не сжигается на кострах Инквизиции, и его программа оспаривается в парламенте (Доносо) или на страницах периодической печати (Бальмес).

Так, упоминая в работе «Пий IX» слово «враг» 3 раза, Бальмес просто дважды цитирует Папу Римского (Balmes 1926b: 262, 271) и единожды – Святого Леона (Op. cit.: 265), а они для католиков тогда были «безгрешны». Аналогично действует и Доносо, который в своем «Очерке» использует слово «враг» 10 раз, но по одному разу, цитируя древних римлян (Donoso Cortés 1851: 5), упоминает дьявола как «врага рода человеческого» (Op. cit.: 59) и Бога как «врага человека» (Op. cit.: 133), трижды пересказывая на свой лад Ветхий Завет (Op. cit.: 68, 112, 344) и четырежды – П.-Ж. Прудона (Op. cit.: 317, 322–323). В итоге, если опираться на «Очерк» Доносо, получается, что самыми агрессивными «школами» являются католицизм (правые) и социализм (левые), в то время как при критике «либералов» (центристов) слово «враг» не используется ни разу, что, на наш взгляд, закономерно.

В данном контексте довольно интригующим оказывается кейс карлизма, который в идейно-ценностном аспекте вырастает из того же традиционализма. Так, изначально, будучи в религиозно-философском плане

ревностными католиками, а в политическом – сторонниками монархического абсолютизма, карлисты, казалось бы, должны были полностью пережить религиозно-философский дискурс традиционалистов. Однако уже в ходе первой «карлистской войны» (1833–1840) выяснилось: социальные структуры карлистов настолько разнообразны, что это движение оказывается способным не только к догматическому воспроизводству средневековой традиции с лозунгами в духе «Да здравствует Инквизиция!», но и к идейно-ценностной эволюции, причем сразу в двух направлениях: и вправо, что позволяет испанским историкам говорить о зарождении третьего типа в рамках испанского консерватизма – праворадикального консерватизма как открыто призывающего и склонного к прямому политическому насилию; и влево (в направлении умеренного традиционализма, результатом чего станут идеи примирения с изабелитами согласно установкам Бальмеса). И это еще вопрос, какое из этих направлений является «мэйнстримом», а какое – второстепенным; аргументы находятся в пользу обоих решений. Однако уже к третьей «карлистской войне» (1872–1876) умеренные традиционалисты, часть которых – выходцы из разочаровавшихся в либерализме во второй половине 1860-х гг. «модератос», начинают постепенно превращать карлизм из воинственного движения в парламентскую партию, собирающую под свои знамена всех традиционалистов, включая изабелитов. Ярчайшим подтверждением исторической перспективности второго – левого – направления в эволюции карлизма является Бальмес, который, будучи изабелитом, еще в канун второй «карлистской войны» (1846–1849) целенаправленно работал на молодого Карлоса VI, стараясь примирить обе ветви испанских Бурбонов посредством его внутридинастического брака с Изабель II. В частности, перу Бальмеса принадлежит «Манифест графа Монтемолина¹ к испанцам» (1845), считающийся одним из ключевых для современного испанского традиционализма, в котором формулируется новый «религиозный и испанский принцип»: «...справедливость без насилия, восстановление без реакции, осторожное равновесие между всеми интересами» (*El tradicionalismo...* 1955: 120). Здесь налицо явное стремление отказаться от образа «врага». Другое дело, что в итоге к последней трети XIX в. «врагами» карлистов по-прежнему оставались все левые политики (либералы и социалисты), однако умеренные традиционалисты-изабелиты из «врагов» времен первой «карлистской войны» превращались в ближайших союзников.

Образ «врага» в политическом дискурсе зарождающегося в Испании либерального консерватизма имеет свою специфику. Прежде всего, к концу XVIII в., когда у традиционалистов за плечами была уже состоявшаяся религиозно-философская традиция, будущие либеральные консерваторы только-только начинали «прорастать» из довольно широкого и слабо уловимого скептицизма в отношении таких полноводных источников либерализма, как Реформация и Просвещение. Соответственно, в Испании, где оба эти течения подверглись в XVI–XVIII вв. жесточайшим репрессиям,

¹ Будущего Карлоса VI. – Ю. В.

провозвестники либерального консерватизма оказались не столько субъектами «вражды», сражающимися со своими идеологическими противниками, сколько ее объектами. Поскольку идеологическая идентичность либеральных консерваторов сформировалась в Испании относительно поздно (к середине 1830-х гг.) и под непосредственным влиянием французских «либеральных доктринеров», то и образ «врага» в их политическом дискурсе до этого времени фактически отсутствовал. Все это прослеживается в судьбе такой значимой для испанской истории конца XVIII – начала XIX в. фигуры, как Г.М. де Ховельянос-и-Рамирес (1744–1811), который, будучи убежденным сторонником Просвещения, на протяжении большей части своей жизни не столько боролся с традиционалистами, сколько старался избежать политических репрессий с их стороны и лишь к ее концу начал хоть как-то обозначать своих «врагов», но лишь в контексте Войны за независимость и в понятиях противостояния «офранцузенных» (будущих либералов) и «патриотов» (будущих консерваторов). Так, в его «Обращении к соотечественникам» (1811) слово «враг» упоминается 58 раз; для Ховельяноса это прежде всего «враги родины» (*D. Gaspar de Jovellanos a sus compatriotas... 1811: 33*), которых он делит на «внешних» и «внутренних» (*D. Gaspar de Jovellanos... 1811: 47*), то есть французов и тех, кто мешал с ними бороться соответственно. Столь правый крен в идеологической эволюции Ховельяноса позволяет испанскому историку Эрреро причислить его к носителям «реакционного мышления» наряду со всеми традиционалистами этой эпохи (*Herrero 1973: 139-141*), притом что изначально он к нему никакого отношения не имеет.

Непосредственно политическая идентичность либеральных консерваторов начинает артикулироваться в политическом дискурсе Ф. Сеа Бермудеса (1779–1850), который, возглавляя испанское правительство в конце 1833 – начале 1834 г., то есть в момент зарождения необратимого уже движения от абсолютной монархии Фернандо VII к конституционной монархии Изабель II, занимает классическую для этого типа консерваторов позицию: между революционерами (на тот момент – прогрессистами и либералами) и охранителями (традиционалистски мыслящими Церковью и аристократией) (*Sosa 1930: 142; Suárez Verdeguer 1947: 108*). В дальнейшем позиция «между» будет характерна для всех испанских либеральных консерваторов вплоть до падения Изабель II в 1868 г., что обозначит смену не только монархов, но и политических эпох, а с установлением в 1873 г. Первой Республики – и политического режима, и формы правления.

Непосредственный преемник Сеа – во многих отношениях «архитектор» Нового порядка в Испании – Ф. Мартинес де ла Роса (1787–1862) сумел не только обосновать занятую позицию «между» идеологически, но и относительно удачно реализовать ее на практике, заложив фундамент для дальнейшего развития политических институтов конституционной монархии. Несмотря на то что перипетии политической практики часто заставляли Мартинеса лавировать по всему идеологическому спектру либерального консерватизма (с генералом Р.М. Нарваэсом-и-Кампосом он смещается вправо во время революции 1848–1849 гг.; с генералом Л. О`Доннелем-

и-Хорисом – влево, на позиции созданного в 1854 г. «Либерального союза»), он всегда находится если не во главе, то в самом центре либерально-консервативного «мэйнстрима», уверенно преследуя его «врагов» справа (карлистов) и менее уверенно – слева (прогрессистов). По оценкам Бальмеса, ожидаемо требовавшего от Мартинеса более жесткой линии в отношении прогрессистов, «против первых он выражается сурово; против вторых едва ли позволяет себе хоть слово, которое могло бы их задеть» (Balmes 1926a: 158); но важно, что речь идет о «выражениях».

В данном случае принципиально, что в речи, произнесенной по поводу исключения дона Карлоса и его наследников из списка претендентов на испанский престол, – речи, которая стала одной из программных речей Мартинеса, полностью вынесенных его биографом Л. де Сосой в приложение, он говорит о «криминальном намерении узурпировать корону» (Sosa 1930: 232) и о «праве женщин наследовать трон» (Op. cit.: 238), но исключительно в юридическом и историческом ключе, которые объединяются им в понятие «чисто политического» (Op. cit.: 251); слово «враг» он не употребляет ни разу, притом что речь произносится в условиях первой «карлистской войны». Мартинес ценит выше всего «постоянное стремление испанцев сохранять законы, обычаи, практики своих предков» (Op. cit.: 240, в то время как намерение «завоевать королевство» является для него «идеей ложной, скандальной, недостойной испанцев» (Op. cit.: 244). Будучи консерватором, «высшим принципом» своей политики Мартинес провозглашает «принцип самой консервации, присущий как обществу, так и индивидам» (Op. cit.: 252), который позволит «бороться с нынешним злом и предотвратить опасности в будущем» (Op. cit.: 252). Другое дело – политическая практика либеральных консерваторов, которая у них часто расходилась с провозглашенной политической теорией. Так, по словам либерального консерватора А. Боррего Морено, современника и одного из оппонентов Мартинеса, «система сеньора Мартинеса де ла Росы является сущностно консервативной, поскольку предполагает использование силы для сдерживания революции и победы над карлизмом» (Borrego 2007: 83). При этом понятно, что без «использования силы» в войне победить невозможно; отсюда провозглашаемая теория и выходит на первый план.

Между тем либерально-консервативное крыло партии «модерадос» имело не только центристский «мэйнстрим», но и правую и левую («пуританос») фракции, возглавляемые Х. Браво Мурильо (1803–1873) и Х.Ф. Пачеко-и-Гутьерресом (1808–1865) соответственно; их борьба между собой существенно разнообразит и дополняет образ «врага» в политическом дискурсе зарождающегося в Испании либерального консерватизма.

Так, политическая идентичность Браво, располагающаяся в консервативном идеологическом спектре между либеральным консерватизмом и традиционализмом, превращает данного идеолога в относительного союзника традиционалистов и противника «пуританос» (не говоря уже о либералах), в то время как идентичность Пачеко (между либерализмом и либеральным консерватизмом) делает его относительным союзником либералов и противником фракции правой (не говоря уже о традициона-

листах). К концу жизни, когда они оба начинают заниматься чистым идеологизаторством и освобождаются от противоречий между теорией и практикой, их идеологические идентичности проявляются наиболее ярко.

Для Браво карьера председателя правительства завершается в 1852 г. под ударами не столько его противников (традиционалистов или прогрессистов), сколько союзников из либерально-консервативного «мэйнстрима» и «пуританос», не допустивших реализации пакета предложенных им «абсолютистских» реформ, направленных, как посчитали, на фактический демонтаж созданной Мартинесом конституционной монархии; в результате Браво начинает смещаться еще правее и находит понимание даже у основоположника карлизма (Bullón de Mendoza 1950: 371-372, 349-355, 389-390). Примечательно, что слово «враг» в его переписке с представителями партии «модерадос» и карлистами не используется.

Пачеко, в свою очередь, оказался на посту председателя правительства в самый канун революции 1848–1849 гг. и столкнулся с весьма противоречивыми запросами: монархи требовали от него двигаться вправо, а его фракция «пуританос» – влево. В итоге он оказывается у истоков центристской парламентской коалиции под говорящим названием «Либеральный союз», собравшей в своих рядах правых прогрессистов, испугавшихся грядущего революционного цикла, который завершится в 1868 г. падением Изабель II (левое крыло), и «пуританос», страшившихся уже «абсолютистских» тенденций в политическом курсе этой королевы (правое крыло).

В целом же образ «врага» в политическом дискурсе либеральных консерваторов отличается от традиционалистского тем, что для них не существует «врагов» в среде религиозных деятелей, философов и неиспанцев (на тот момент англичан и французов); все их «враги» – это соотечественники, которых лучше называть не «врагами», а политическими оппонентами, поскольку они являются представителями других партий в парламенте или других (а иногда и собственной, как у Пачеко) фракций в собственной партии и с ними можно как достигать соглашений, так и практиковать противостояние. Несмотря на отдельные эксцессы, связанные с характерными для Испании XIX в. военными переворотами, либеральные консерваторы общаются со своими «врагами» не в застенках Инквизиции, о чем так тосковали традиционалисты типа Лопеса Гарсии, и не на поле битвы, как это делали карлисты, а в парламенте или на страницах периодической печати, сознательно копируя британскую политическую культуру как более высокую по сравнению с традиционной испанской. Следует отметить, что наиболее существенные трансформации в процессе становления либерально-консервативного политического дискурса, связанного с образом «врага», сводятся к тому, насколько жесткие выражения ими используются; как мы увидели это у Мартинеса, своеобразного «законодателя моды», в отношении соратников по партии «модерадос» все артикулируется в рамках предельной корректности, в общении с прогрессистами как левым крылом либералов выбираются мягкие выражения, в адрес же карлистов – самые жесткие (но даже здесь слово «враг» не используется). Аналогичная дифференция в политическом дискурсе провозвестников и первых двух поколений

традиционалистов не прослеживается, поскольку внутреннее разнообразие в рамках этого типа консерватизма является минимальным, а понятие «враг» – общеупотребительным.

Таким образом, образ «врага» в мышлении испанских традиционалистов начинает обретать политические черты лишь во времена ВФР. До нее традиционалистский дискурс развивался, по большому счету, лишь как религиозно-философский с потенциальным использованием политической риторики. Переходный период растянулся на два с половиной десятилетия (1789–1814 гг.), причем десятилетия, связанные с развитием революционного процесса в самой Испании; окончательное же становление сугубо политического дискурса завершилось у традиционалистов лишь к середине XIX в. (именно поэтому Бальмес и Доносо стали «иконами» современных испанских традиционалистов, в то время как их многочисленные предшественники при всем своей исторической значимости так и остались в тени). В этом контексте либеральные консерваторы вообще и испанские в частности – явление исключительно Нового порядка, поскольку их образ «врага» не только является сугубо политическим, то есть не имеющим никаких религиозно-философских коннотаций, но и может распространяться на своих соратников по партии (в данном случае – «модератос»), превращая последних из «врагов» (в понятиях традиционалистов) в политических оппонентов (в современных понятиях). При этом политический дискурс либеральных консерваторов лишен любых военных аллюзий, характерных для первых поколений традиционалистов, благодаря чему трансформируется и образ консерватора в целом: из средневекового рыцаря, отправляющегося в «крестовый поход» против иноверцев и «ложной философии», он превращается в сугубо гражданского политика (в идеале – парламентария или политического журналиста).

Если же несколько выйти за пределы предмета нашего исследования и обратиться к общим для всех типов испанского консерватизма элементам политического дискурса, то можно утверждать, что их объединяет следующее: религия (католицизм), национализм (испанизм) и колониальный империализм – на философско-мировоззренческом уровне и приверженность к монархизму (отсюда и довольно спокойное отношение к (прото)авторитаризму и централизму) – на уровне политико-институциональном. При этом традиционалисты свой политический дискурс выстраивают с опорой на первый уровень, а либеральные консерваторы – на второй. Соответственно и реформистские интенции первоначально могли развиваться вообще только в рамках либерально-консервативного политического дискурса, поскольку в данный исторический период философско-мировоззренческий уровень, сформировавшийся в основополагающих чертах в Средние века, существенным трансформациям уже не мог быть подвергнут. Насколько могут быть проведены дискурсивные параллели между характеристиками испанского консерватизма и особенностями, присущими консерватизму в других странах – это вопрос; но наиболее близкие к испанским вариации встречаются и в Западной, и в Восточной Европе, в том числе в России (Великобритания и Франция здесь являются исключениями), что напрямую связано со спец-

ификой и, скажем так, «исторической скоростью» либерально-буржуазной модернизации в этих странах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Balmes J. 1926a. Escritos políticos. T. 5. Barcelona : Biblioteca Balmes. 462 p.
- Balmes J. 1926b. Escritos políticos. T. 10. Barcelona : Biblioteca Balmes. 457 p.
- Borrego A. 2007. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid : Centro de estudios políticos y constitucionales. 270 p.
- Bullón de Mendoza A. 1950. Bravo Murillo y su significación en la política española. Madrid : Gráficas Valera. 426 p.
- Cádiz D.J. de. 1794. El soldado católico en guerra de Religión: Carta instructiva ascético-histórico-política en que se propone á un Soldado Católico la necesidad de prepararse, el modo con que lo ha de hacer, y con que debe manejarse en la actual guerra contra el impío partido de la infiel, sediciosa, y Regicida Asamblea de la Francia. Barcelona : Por la viuda Aguasvivas. 182 p.
- Colón J.J. 1814. España vindicada en sus clases y autoridades de las falsas opiniones que se le atribuyen. Madrid : Imprenta de Repullés. 165 p.
- D. Gaspar de Jovellanos a sus compatriotas: Memoria en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la junta central. Y se da razón de la conducta y opiniones del autor desde que recobró su libertad, 1811. Coruña : En la Oficina de D. Francisco Cándido Perez Prieto. 520 p.
- Desengaños filosóficos que en obsequio de la verdad, de la religión, y de la Patria da al público el Doctor Don Vicente Fernández Valcarze, Canónigo de Santa Iglesia Catedral de Palencia. Vol. 1, 1787. Madrid : Por Don Blas Román. 547 p.
- Donoso Cortés J. 1851. Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo considerados en sus principios fundamentales. Barcelona : S/E. 412 p.
- El tradicionalismo español del siglo XIX, 1955. Madrid : Prensa Gráfica. 413 p.
- Fornier J.P. 1786. Oración apologética por la España y su mérito literario, para que sirva de exornación al discurso leído por el abate Denina en la Academia de Ciencias de Berlín, respondiendo á la cuestión ¿qué se debe á España? Madrid : En la Imprenta Real. 86 p.
- González Cuevas P.C. 2000. Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid : Biblioteca nueva. 525 p.
- Herrero J. 1973. Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid : Cuadernos para el dialogo, Edicusa. 411 p.
- Hervás y Panduro L. 1807. Causas de la Revolución de Francia en el año 1789, y otros medios de que se han valido para efectuarla los enemigos de la religión y del Estado. Vol. 1. Madrid : S/E. 592 p.
- López S. 1808. Despertador Cristiano-Político. Murcia : Por la viuda de Muñiz, é Hijo. 58 p.
- Manifiesto del Obispo de Orense a la nación española, 1813. Coruña : En la oficina del exacto correo. 88 p.
- Manifiesto que presenta a la nación el Consejero de Estado Don Miguel de Lardizabal y Uribe, uno de los cinco que compusieron el Supremo Consejo de Regencia de España y Indias. Sobre su conducta política en la noche de 24 de septiembre de 1810, 1811. Alicante : Por Nicolas Carratalá Menor y Hermanos. 103 p.
- Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Libro Sexto. Capítulo III: El enciclopedismo en España durante el siglo XVIII. VII: Literatura apologética. URL:

<http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361608688915504422802/p0000026.htm> (дата обращения: 06.09.2020).

Peñalosa y Zúñiga Fernández de Velasco C. 1793. La monarquía. Madrid : En la Imprenta de la viuda de Ibarra. 480 p.

Pérez y López A.X. 1785. Principios del orden esencial de la naturaleza, establecidos por fundamento, y por prueba de la religión: nuevo sistema filosófico. Madrid : En la Imprenta Real. 352 p.

Rodríguez A.J. 1776. El Philotheo en conversaciones del tiempo. Vol 1. Madrid : En la Imprenta Real de la Gazeta. 540 p.

Schmitt C. 1952. Interpretación europea de Donoso Cortés Madrid : Rialp. 146 p.

Sosa L. de. 1930. Don Francisco Martínez de la Rosa, político y poeta. Madrid : Espasa-Calpe. 255 p.

Suárez Verdeguer F. 2006. Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen // Anales de la Fundación Francisco Elías de Tejada. Nº 12. P. 29-45.

Suárez Verdeguer F. 1947. El golpe de Estado en La Granja // Revista de Estudios Políticos. Nº 35-36. P. 63-123.

Vélez R. de. 1813. Preservativo contra la Irreligión, o los planes de la Filosofía contra la Religión y el Estado, realizados por la Francia para subyugar la Europa, seguidos por Napoleón en la conquista de España, y dados a luz por algunos de nuestros sabios en perjuicio de nuestra patria. México : La oficina de doña María Fernández de Jauregui. 230 p.

Vila y Camps A. 1792. El vasallo instruido en las principales obligaciones que debe á su legítimo Monarca: obra sumamente importante, en la que por las autoridades de la Divina Escritura, Santos Padres, Concilios y Sagrados Cánones, se manifiesta la debida sumision, respecto, amor y fidelidad que todos los vasallos deben á su legítimo Soberano, y á los Ministros que en su real nombre están encargados del gobierno de sus respectivos Reynos y Provincias. Madrid : En la Imprenta de Manuel González. 250 p.

Zevallos y Mier F. de. 1774. La falsa filosofía, ó El ateísmo, deísmo, materialismo y demás nuevas Sectas convencidas del crimen de Estado contra a los Soberanos y sus regalías, contra los Magistrados y Potestades legítimas. Vol. 1. Madrid : En la Imprenta de D. Antonio de Sancha. 488 p.

Yuri V. Vasilenko, National Research University

“Higher School of Economics” – Perm, Perm, Russia.

E-mail: yuvasil@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7865-6497

ResearcherID: M-5692-2015

SPIN-код: 3073-3627

Article received 08.09.2020, accepted 12.11.2020, available online 11.01.2021

The Image of the “Enemy” in Political Discourse of Nascent Spanish Conservatism

Abstract. The article is devoted to the transformation of the image of “enemy” in the emerging conservative political discourse in Spain in the last third of the 18th – first half of the 19th centuries. Comparing the image of “enemy” in the political discourse of traditionalists and liberal conservatives, the author shows that the first is based on

religious and philosophical foundations, on which the political ones were layered with great difficulty at the beginning of the 19th century; the second is based on purely political ones. For the Spanish traditionalists, “enemies” are primarily the supporters of the so-called “false philosophy” (non-Catholics and non-Spaniards) who were followers of the British-French Enlightenment. Liberal conservatives who in principle abandoned any military connotations of the traditionalists interpreted the “enemy” exclusively in civil legal terms as political opponents from competing or allied structures (parties and party factions). Within the framework of traditionalism, the Carlists become a kind of “driver” for the transformation of the image of “enemy” who, in the conditions of intra-dynastic wars between Catholics and Spaniards, were forced to begin giving their discourse a purely political sound.

Keywords: image of “enemy”; conservative discourse; traditionalism; liberal conservatism; Carlism; Spain of the XVIII–XIX centuries.

For citation: Vasilenko Yu.V. *Obraz «vraga» v politicheskom diskurse zarozhdajushhegosja ispanskogo konservatizma* [The Image of the “Enemy” in Political Discourse of Nascent Spanish Conservatism], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 82-100. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10405. (in Russ.).

References

Balmes J. *Escritos políticos. T. 5* [Political writings, vol. 5], Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, 462 p. (in Spanish).

Balmes J. *Escritos políticos. T. 10* [Political writings, vol. 10], Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, 457 p. (in Spanish).

Borrego A. *De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo* [Of the organization of the parties in Spain, considered as a means to promote the education of the nation, and to realize the conditions of the representative government], Madrid, Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007, 270 p. (in Spanish).

Bullón de Mendoza A. *Bravo Murillo y su significación en la política española* [Bravo Murillo and its significance in Spanish politics], Madrid, Gráficas Valera, 1950, 426 p. (in Spanish).

Cádiz D.J. de. *El soldado católico en guerra de Religión: Carta instructiva ascético-histórico-política en que se propone á un Soldado Católico la necesidad de prepararse, el modo con que lo ha de hacer, y con que debe manejarse en la actual guerra contra el impío partido de la infiel, sediciosa, y Regicida Asamblea de la Francia* [The Catholic soldier at war of religion: ascetic-historical-political instructive letter in which a Catholic soldier is proposed the need to prepare himself, the manner in which he must do it, and with which he must be handled in the current war against the ungodly party of the unfaithful, seditious, and regicidal Assembly of France], Barcelona, Por la viuda Aguasvivas, 1794, 182 p. (in Spanish).

Colón J.J. *España vindicada en sus clases y autoridades de las falsas opiniones que se le atribuyen* [Spain vindicated in its classes and authorities of the false opinions attributed to it], Madrid, Imprenta de Repullés, 1814, 165 p. (in Spanish).

D. Gaspar de Jovellanos a sus compatriotas: Memoria en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la junta central. Y se da razón de la conducta y opiniones del autor desde que recobró su libertad [D. Gaspar de Jovellanos to his compatriots: memory in which the slander disclosed against the individuals of the central junta is rebutted.

And the author's conduct and opinions are justified since his release], Coruña, En la Oficina de D. Francisco Cándido Perez Prieto, 1811, 520 p. (in Spanish).

Desengaños filosóficos que en obsequio de la verdad, de la religión, y de la Patria da al público el Doctor Don Vicente Fernández Valcarze, Canónigo de Santa Iglesia Catedral de Palencia. T. 1 [Philosophical disillusionment given to the public by Dr. Don Vicente Fernandez Valcarze, canon of Santa Iglesia Catedral de Palencia, vol. 1], Madrid, Por Don Blas Román, 1787, 547 p. (in Spanish).

Donoso Cortés J. *Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo considerados en sus principios fundamentales* [Essay on Catholicism, liberalism and socialism considered in its fundamental principles], Barcelona, S/E, 1851, 412 p. (in Spanish).

El tradicionalismo español del siglo XIX [Spanish traditionalism of the 19th century], Madrid, Prensa Gráfica, 1955, 413 p. (in Spanish).

Forner J.P. *Oración apologética por la España y su mérito literario, para que sirva de exornación al discurso leído por el abate Denina en la Academia de Ciencias de Berlín, respondiendo á la cuestión ¿qué se debe á España?* [Apologetic prayer for Spain and its literary merit, to serve as an exornamento to the speech read by abate Denina at the Berlin Academy of Sciences, answering the question: What is due to Spain?], Madrid, En la Imprenta Real, 1786, 86 p. (in Spanish).

González Cuevas P.C. *Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días* [History of the Spanish right. From Illustration to the present day], Madrid, Biblioteca nueva, 2000, 525 p. (in Spanish).

Herrero J. *Los orígenes del pensamiento reaccionario español* [The origins of Spanish reactionary thought], Madrid, Cuadernos para el dialogo, Edicusa, 1973, 411 p. (in Spanish).

Hervás y Panduro L. *Causas de la Revolución de Francia en el año 1789, y otros medios de que se han valido para efectuarla los enemigos de la religión y del Estado. T. 1* [Causes of the revolution of France in the year 1789, and other means that have been used to effect it the enemies of religion and the state, vol. 1], Madrid, S/E, 1807, 592 p. (in Spanish).

López S. *Despertador Cristiano-Político* [Christian-Political Alarm Clock], Murcia, Por la viuda de Muñiz, é Hijo, 1808, 58 p. (in Spanish).

Manifiesto del Obispo de Orense a la nación española [Manifiesto of the bishop of Orense to the Spanish nation], Coruña, En la oficina del exacto correo, 1813, 88 p. (in Spanish).

Manifiesto que presenta a la nación el Consejero de Estado Don Miguel de Lardizabal y Uribe, uno de los cinco que compusieron el Supremo Consejo de Regencia de España y Indias. Sobre su conducta política en la noche de 24 de septiembre de 1810 [Manifiesto that presents to the nation the State Councilor Don Miguel de Lardizabal and Uribe, one of the five that made up the Supreme Council of Regency of Spain and Indias. On his political conduct on the night of September 24, 1810], Alicante, Por Nicolas Carratalá Menor y Hermanos, 1811, 103 p. (in Spanish).

Menéndez y Pelayo M. *Historia de los heterodoxos españoles. Libro Sexto. Capítulo III: El enciclopedismo en España durante el siglo XVIII. VII: Literatura apologética* [History of the Spanish heterodox. Book Six. Chapter 3: Encyclopedism in Spain during the eighteenth century. VII: Apologetic literature], available at: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361608688915504422802/p0000026.htm> (accessed September 06, 2020). (in Spanish).

Peñalosa y Zúñiga Fernández de Velasco C. *La monarquía* [Monarchy], Madrid, En la Imprenta de la viuda de Ibarra, 1793, 480 p. (in Spanish).

Pérez y López A.X. *Principios del orden esencial de la naturaleza, establecidos por fundamento, y por prueba de la religión: nuevo sistema filosófico* [Principles of the essential Order of nature, established by Foundation, and by proof of religion: new philosophical

system], Madrid, En la Imprenta Real, 1785, 352 p. (in Spanish).

Rodríguez A.J. *El Philotheo en conversaciones del tiempo. T. 1* [The Philotheo in conversations of time, vol. 1], Madrid, En la Imprenta Real de la Gazeta, 1776, 540 p. (in Spanish).

Schmitt C. *Interpretación europea de Donoso Cortés* [European interpretation of Donoso Cortes], Madrid, Rialp, 1952, 146 p. (in Spanish).

Sosa L. de. *Don Francisco Martínez de la Rosa, político y poeta* [Don Francisco Martinez de la Rosa, politician and poet], Madrid, Espasa-Calpe, 1930, 255 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen* [Conservatives, innovators and renovators in the aftermath of the Old Regime], *Anales de la Fundación Francisco Elías de Tejada*, 2006, no. 12, pp. 29-45. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *El golpe de Estado en La Granja* [The coup d'état in La Granja], *Revista de Estudios Políticos*, 1947, no. 35-36, pp. 63-123. (in Spanish).

Vélez R. de. *Preservativo contra la Irreligión, o los planes de la Filosofía contra la Religión y el Estado, realizados por la Francia para subyugar la Europa, seguidos por Napoleón en la conquista de España, y dados a luz por algunos de nuestros sabios en perjuicio de nuestra patria* [Condom against irreligion, or the plans of Philosophy against religion and the State, made by France to subjugate Europe, followed by Napoleon in the conquest of Spain, and given birth by some of our sages to the detriment of our homeland], México, La oficina de doña María Fernández de Jauregui, 1813, 230 p. (in Spanish).

Vila y Camps A. *El vasallo instruido en las principales obligaciones que debe á su legítimo Monarca: obra sumamente importante, en la que por las autoridades de la Divina Escritura, Santos Padres, Concilios y Sagrados Cánones, se manifiesta la debida sumision, respecto, amor y fidelidad que todos los vasallos deben á su legítimo Soberano, y á los Ministros que en su real nombre están encargados del gobierno de sus respectivos Reynos y Provincias* [The vassal instructed in the principal duties he owes to his legitimate Monarch: an extremely important work, in which by the authorities of divine scripture, Holy Fathers, councils and Sacred Canons, the due submission, respect, love and fidelity that all vassals owe to their legitimate sovereign, and to the ministers who in their real name are in charge of the government of their respective kingdoms and provinces], Madrid, En la Imprenta de Manuel González, 1792, 250 p. (in Spanish).

Zevallos y Mier F. de. *La falsa filosofía, ó El ateísmo, deísmo, materialismo y demás nuevas Sectas convencidas del crimen de Estado contra a los Soberanos y sus regalías, contra los Magistrados y Potestades legítimas. T. 1* [False philosophy, or atheism, deism, materialism and other new sects convinced of the crime of State against sovereigns and their royalties, against magistrates and legitimate powers, vol. 1], Madrid, En la Imprenta de D. Antonio de Sancha, 1774, 488 p. (in Spanish).